

О международной научной конференции “Япония в АТР”

10–11 декабря 2009 г. в Институте Дальнего Востока (ИДВ) РАН состоялась международная научная конференция “Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе”, организаторами которой выступили ИДВ, Институт востоковедения РАН и российская Ассоциация японоведов. Спонсорскую помощь мероприятию оказал Японский фонд (Japan Foundation).

Активное участие в конференции приняли известные иностранные ученые: профессор Университета “Хосэй” Нобуо Симотомаи и профессор Университета “Кэйо” Синдзи Екотэ (Япония), заместитель директора Института японских исследований Академии современных международных отношений профессор Вань Шань (КНР) и ведущий специалист по Японии, профессор Университета Шеффилда Гленн Хук (Великобритания).

Российская сторона была представлена авторитетными учеными и молодыми исследователями из ведущих отечественных научно-исследовательских и образовательных учреждений. География российских участников не ограничилась Москвой — были специалисты из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, городов Дальнего Востока — Хабаровска, Владивостока, Южно-Сахалинска, а также российские ученые, работающие в Японии. Всего в конференции приняло участие около 80 чел.

Перед началом конференции состоялась презентация первого номера ежеквартального сборника “Япония наших дней”, издаваемого ИДВ РАН, а также изданий Ассоциации японоведов, финансируемых Японским фондом. Часть докладов конференции была заранее опубликована в сборнике “Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе”¹, а часть не вошедших в этот сборник выступлений — в сборнике ИДВ РАН “Япония наших дней”².

Выступления докладчиков распределились по следующим четырем секциям:

1. “Политические аспекты позиции Японии в АТР” (ведущий — профессор МГИМО(У) МИД РФ Д.В. Стрельцов),
2. “Япония и экономическая интеграция в АТР” (ведущий — профессор Университета “Сэйнан гакуин” (Япония) Е.Б. Ковригин),
3. “Россия и Япония в АТР: возможности взаимодействия” (ведущий — руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН В.О. Кистанов),
4. “Культурно-цивилизационные аспекты позиционирования Японии в АТР” (ведущий — профессор РГГУ А.Н. Мещеряков).

На конференции был рассмотрен широкий круг вопросов.

Политика и оборона. О внешней политике кабинета Ю. Хатоямы рассказал В.О. Кистанов, который дал анализ предвыборных выступлений нового премьера Японии. По заявлению Ю. Хатоямы, Япония приложит все усилия для того, чтобы стать “мостом” между Востоком и Западом, между развитыми и разви-

вающимися странами, а также между различными цивилизациями. Этот многоцелевой “мост” должен строиться в духе понятия *юаи* (“дружба—любовь”), являющегося ключевым в работе Ю. Хатоямы “Моя политическая философия”, опубликованной незадолго до его прихода к власти. Внося коррективы во внешнюю политику страны в соответствии со своей политической философией, японский руководитель будет стремиться усиливать ее азиатский вектор. Улучшение отношений с азиатскими соседями, прежде всего с Китаем, является приоритетной задачей нового премьер-министра. Одновременно правящая Демократическая партия намерена также проводить более независимую от США внешнюю политику и выстраивать более равноправные отношения с ними. Вместе с тем, Хатояма заявил, что США остаются краеугольным камнем японской внешней политики. По мнению В.О. Кистанова, “сверхзадачей” правительства Хатоямы и последующих японских кабинетов является нахождение “золотой середины” в отношениях с двумя экономическими и военно-политическими гигантами — США и Китаем.

Активное обсуждение вызвала тема создания Восточноазиатского сообщества, доклад о котором сделал профессор Вань Шань. По мнению участников, в настоящее время формат этой организации еще не определен и цели создания такого сообщества пока неясны. О роли Японии в многосторонних форумах Восточной Азии рассказал профессор Г. Хук.

Вопросы обороны и безопасности были рассмотрены в выступлениях преподавателя Академии ФСБ России А.Г. Парамонова, который проанализировал политические и региональные аспекты японо-американской системы ПРО, и ведущего научного сотрудника Центра исследований Японии ИДВ РАН В.А. Гринюка, выступившего с анализом политики Японии на Корейском полуострове. Так, по мнению А.Г. Парамонова, становится все более очевидной опасность перехода гонки вооружений вокруг Корейского полуострова в стадию, которой удалось избежать советским и американским политикам периода глобального противостояния. Речь идет о соревновании между системами защиты от атак баллистических ракет и средствами преодоления этой защиты. Новая совместная инициатива Вашингтона и Токио все еще плохо предсказуема с точки зрения влияния не только на региональную, но и на глобальную среду безопасности. Некоторый оптимизм при этом внушает то обстоятельство, что в отличие от главных участников холодной войны КНР и Япония, региональные соперники периода глобализации, сильно зависят друг от друга, а также от США в экономической и финансовой сферах, считает эксперт.

В свою очередь В.А. Гринюк отметил, что Япония жестко увязывала свою позицию на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове с разрешением проблемы японцев, похищенных спецслужбами КНДР. Деструктивная линия Токио стала одной из причин дестабилизирующих действий Пхеньяна (новых ядерных испытаний ракет и ядерного устройства) и его выхода из переговорного процесса.

С августа 2009 г. имеют место неофициальные двусторонние контакты между США и КНДР. Такое развитие событий отвечает интересам Северной Кореи, стремящейся к прямым переговорам с США – теперь уже в статусе государства, обладающего ядерным оружием.

Но Япония проиграла, поскольку осталась в стороне от процесса урегулирования жизненно важных проблем безопасности. Тем более, что в этой сфере интересы Японии не во всем совпадают с интересами США. К тому же отдалается перспектива нормализации отношений Японии с КНДР. По мнению эксперта, другим участникам шестисторонних переговоров, включая и Россию, также невыгодно их прекращение,

поскольку в перспективе они могли бы стать важным механизмом обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Поэтому важно продолжать усилия с целью возобновления переговоров в шестистороннем формате.

Экономика. В ходе конференции рассматривался целый блок вопросов, связанных с влиянием мирового финансового кризиса на экономику Японии. Подробный анализ данной темы был представлен главным научным сотрудником Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН Е.Л. Леонтьевой. По ее мнению, Японию поразил не только и не столько глобальный финансовый кризис, сколько вызванная этим кризисом мировая рецессия. Спад в экономике основных стран-импортеров японской продукции (в докризисных условиях около 20% экспорта из Японии направлялось в США, 18% — в Китай и 15% — в страны Евросоюза) вызвала резкое сокращение спроса на главные статьи японского экспорта — автомобили, потребительские товары длительного пользования и товары инвестиционного спроса. Японский экспорт на 2/3 состоит из продукции машиностроения. На внешний рынок уходит 28% продукции этого сектора, в том числе около 28% продукции транспортного и 30% продукции электротехнического машиностроения. Экспорт Японии в январе 2009 г. — минимальный по объему — был на 46,7% меньше, чем год назад. Крупные убытки понесли гранды японской электротехнической и электронной промышленности Hitachi, Panasonic, NEC, Toshiba и Sony. Убытки понесли автомобильные гиганты Toyota, Nissan и Honda. Так, Toyota от сокращения продаж на 22% на всех своих рынках в Северной Америке, Европе, Азии и в самой Японии потеряла 461 млрд иен (4,85 млрд долл.). Лидеры японской промышленности не ожидают восстановления докризисного уровня прибылей до 2010 г. Кабинет Таро Асо принял один за другим пакеты бюджетных расходов для поддержания внутреннего спроса, раздувая государственный долг. Кабинет Хатоямы устроил “чистку” исполняемого бюджета по министерствам и ведомствам и по бюджетам префектур, вызвав сопротивление чиновников и дезорганизацию бюджетного процесса. Распущены все 18 консультативных советов, которые вырабатывали стратегические решения при власти ЛДП. Для составления среднесрочной программы организовано Бюро национальной стратегии (National Strategy Office). Большинство японских корпораций ожидает, что докризисный (2007 г.) уровень производства и продаж восстановится на раньше 2011 г.

О позиции Японии в отношении экономической интеграции в АТР рассказал профессор Дальневосточного государственного университета (Владивосток) Т.Д. Хузиятов. Он отметил, что в отличие от многих других стран, которые вопреки декларациям активно используют явные и скрытые инструменты протекционизма, Япония продолжает линию на либерализацию внешнеэкономических связей и всестороннюю экономическую интеграцию со странами АТР. Интеграция мер внутри- и внешнеэкономического характера предполагает, что в дополнение к стимулированию внутреннего спроса Япония будет прилагать усилия, направленные на экономический рост в Азии и вместе с Азией, имея в виду формирование здесь глобального центра роста. Другая практическая задача — все большая либерализация торговли и инвестиций, а также предотвращение протекционизма. Япония ведет мониторинг выполнения странами и регионами международных договоренностей по режиму торговли, в том числе, в условиях кризиса, и доводит свою позицию по поводу принятия протекционистских мер до соответствующих правительств и организаций. Вопреки устойчивому мнению о Японии как стране с высокими протекционистскими барьерами, и статистика, и анализ внешнеэкономических мер японского правительства, скорее, говорят о том, что в Японии

сформировался один из самых либеральных внешнеторговых режимов, а в условиях экономического кризиса правительство практически не использовало дополнительных защитных мер, считает Т.Д. Хузиятов. Ученый отмечает, что Япония в рамках своей внешнеэкономической стратегии выделяет ряд перспективных направлений, среди которых приоритетным, безусловно, является региональная экономическая интеграция со странами Азии, но в которых и для российско-японских экономических отношений появляются вполне определенные возможности развития подлинного взаимодействия.

Результаты многолетнего исследования, касающегося японской помощи развивающимся странам, представил профессор Университета “Сэйнан гакуин” (Япония) Е.Б. Ковригин. Он отметил, что с 1970-х годов Япония последовательно наращивала предоставление “официальной помощи развитию” (ОПР), т.е. низкопроцентных займов и безвозвратных субсидий (даров) развивающимся странам, в первую очередь расположенным в тихоокеанской Азии (на долю “фаворитов” — КНР и членов АСЕАН — приходилось до 2/3 всех потоков помощи). К 1989 г. по размеру этих трансфертов она обогнала США и на протяжении 12 лет (за исключением одного года) оставалась настоящим “локомотивом” помощи. Если в 1975 г. объем японской ОПР составлял около 1,1 млрд долл, то в 1995 г. эта сумма выросла почти до 15 млрд долл. В некоторые годы из Японии в развивающиеся государства направлялось до 1/4 всей суммарной помощи от держав, входящих в ОЭСР. По приблизительным подсчетам, в 1954–2008 гг. она выделила “третьему миру” помощь в размере 250 млрд долл. Японская ОПР диктовалась рядом приоритетов, которые менялись с течением времени, но основными среди них оставались: 1) поддержание благоприятного климата в отношениях с наиболее важными развивающимися странами; 2) создание там промышленной инфраструктуры, необходимой для того чтобы “подтянуть” их до такого уровня, при котором они могли бы принимать у себя японские инвестиции и быть эффективными торговыми партнерами; 3) содействие международной стратегии Запада. Массированные потоки ОПР были призваны также подкрепить если не лидерство, то по крайней мере, достаточное влияние Японии в этом регионе. Частично она сумела поднять и укрепить свой авторитет в ряде азиатских стран. Одновременно последние за счет Японии смогли повысить уровень развития своей инфраструктуры и создать новые отрасли промышленности. Однако с середины 1990-х годов в самой Японии стало крепнуть мнение о том, что ОПР в недостаточной мере способствует обеспечению и продвижению национальных интересов стран (особенно в Китае), требует более экономного использования, большего контроля за исполнением и неотложных реформ по существу. Начиная с этого времени, размеры льготных трансфертов стали “буксовать”, их неуклонный рост прервался. По мнению Е.Б. Ковригина, в Юго-Восточной Азии происходит смена парадигмы японской внешнеэкономической политики — от ОПР к преференциальной торговле. Дело идет к тому, что помощь перестанет быть доминирующим инструментом во взаимоотношениях с развивающимся миром, превратившись в вспомогательный, хотя и важный инструмент. В количественном выражении время ее расцвета ушло, а на повестке дня стоят реформы и оптимизация льготных трансфертов.

Япония и Россия. Большой блок вопросов был посвящен российско-японским отношениям. Свое видение возможности сотрудничества России и Японии в Северо-Восточной Азии представил Н. Симотомаи. О том, как японцы видят политику России в Восточной Азии, рассказал С. Екотэ. Он отметил важную роль

ученых в поиске общих подходов к взаимоприемлемой интерпретации сложной истории японо-корейских отношений.

По мнению Д.В. Стрельцова, сотрудничество России и Японии может успешно развиваться в рамках многосторонних форматов, поскольку ожидать каких-либо прорывов в двусторонних отношениях не приходится. Тем не менее, в Японии с пониманием относятся к задаче включения регионов Сибири и Дальнего Востока в интеграционные процессы в АТР. Наибольшие возможности двустороннего российско-японского сотрудничества кроются в сфере энергетики и экологии. При этом среди всех обсуждаемых проектов экономического сотрудничества реалистичными и состоятельными следует назвать лишь те, которые отвечают интересам взаимной выгоды. Например, если взять модернизацию инфраструктуры на российском Дальнем Востоке — область, в которой Россия заинтересована в первую очередь, — Япония пойдет на такие капиталовложения, которые будут прямым или косвенным образом стимулировать ее собственную экономику.

Профессор Института стран Азии и Африки МГУ И.Л. Тимонина оценила перспективы деятельности японских компаний на российском рынке в условиях мирового финансово-экономического кризиса, отметила ряд направлений, которые могут быть точками экономического роста в отношениях двух стран. Отвечая на вопрос “Произошли ли существенные изменения в планах японских корпораций различных отраслей в отношении российского рынка?”, И.Л. Тимонина отметила определенное “торможение” процесса освоения российского рынка по сравнению с динамикой предшествующего периода (2002–2008 гг.). Некоторые компании делают выбор в пользу других развивающихся рынков, и конкуренция за японские инвестиции между странами приоритетной группы (Россия, Индия, Китай, страны Восточной Азии) весьма велика. Однако замораживание некоторыми японскими компаниями планов продвижения в Россию или отказ от них в большинстве случаев связаны с оптимизацией бизнеса в условиях кризиса, а не с изменением общего стратегического подхода, полагает ученый. В целом можно отметить, что Россия занимает заметное место и в “кризисных”, и в “послекризисных” стратегиях ведущих японских компаний. Более того, можно предположить, что ряд японских компаний стремится воспользоваться кризисной ситуацией с тем, чтобы упрочить свои позиции в России. Это относится, прежде всего, к нефтегазовому сектору.

Для российских предприятий обрабатывающих отраслей имеется возможность приобщиться к производственным системам японских корпораций, получив доступ к передовым технологиям и методам организации производства. Для предприятий перерабатывающих отраслей кооперация с японскими компаниями также может оказаться весьма полезной, имея в виду необходимость повышать уровень переработки сырья и материалов, производить и экспортировать продукцию с более высокой долей добавленной стоимости, в том числе на основе коммерциализации собственных научно-технологических разработок и использования японских технологий.

В долгосрочной перспективе наиболее реалистичным представляется сотрудничество в сфере высоких технологий, поскольку японские компании связывают свое “послекризисное” развитие, прежде всего, с освоением новых, наукоемких продуктов, а также разработкой и внедрением собственно технологий их производства. Для России такое взаимодействие даст возможность реализовать имеющийся научно-технический потенциал, повысить конкурентоспособность в технологически сложных отраслях и в перспективе изменить свое позиционирование в рамках экономической интеграции в АТР.

Заведующий Центром внешней политики Японии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) В.В. Кожевников поднял тему психологической составляющей в российско-японских отношениях: поймут ли, наконец, друг друга Россия и Япония? По его мнению, переговоры между странами должны вестись с учетом психологических особенностей, присущих сторонам. О перспективах развития научно-технических связей между Россией и Японией, о том, что мешает расширению этих связей, рассказал старший научный сотрудник ИВ РАН Д.Ю. Денисов.

Культура. По теме культурных отношений прозвучали доклады на разнообразных темах: от международной роли японского языка (академик РАН В.М. Алпатов) до литературно-художественной семантики горы Фудзи (профессор А.Н. Мещеряков). Академик В.М. Алпатов, в частности, констатировал, что международная роль японского языка никогда не была значительной, исключая короткий период оккупации Японией ряда стран Азии, и к настоящему времени уступает международной роли государственных языков любой другой из крупнейших стран мира. Японский язык не является языком ООН и других международных организаций и мало используется для межнационального общения за пределами Японии. Одна из причин такого состояния очевидна: японский язык ни по своей лексике, ни по грамматическому строю не похож на западные. Японские лингвисты подчеркивают, что Япония — это единственная страна “восьмерки”, язык которой не принадлежит к индоевропейской семье. Это вызывает трудности в освоении японского языка в других мировых державах, а сложная японская письменность усиливает эти трудности. Наличие в современном японском языке большого числа заимствований из английского языка ненамного облегчает его усвоение, поскольку эти слова живут в японском языке своей жизнью и зачастую значительно отошли от английских прототипов.

Однако дело, по-видимому, не только в этом: соседний Китай, где язык ничуть не больше похож на европейские, и также имеется иероглифическая письменность, гораздо активнее в отстаивании его международной роли. По-видимому, международным функциям японского языка мешают и традиционные для Японии представления, согласно которым японский язык — это, прежде всего, язык для японцев, неотъемлемая часть японской культуры, мало пригодная для освоения иностранцами. Трудности в овладении японским языком зачастую преувеличиваются. Нередко японцы сознательно предпочитают общаться с иностранцами, даже владеющими их языком, по-английски, хотя уровень владения английским языком в Японии не очень высок. Видимо, на привычки к языковому изоляционизму повлияли островное положение Японии, отсутствие языков, близкородственных японскому, и многовековое совпадение между японской нацией и множеством носителей японского языка.

Традиционный языковой изоляционизм Японии стал заметно уменьшаться в 80-е гг. XX в., когда единственный раз всерьез поднимался вопрос о включении японского языка в число языков ООН, а в японской социолингвистике не раз проводились дискуссии на тему: “Будет ли в XXI в. мир говорить по-японски?”. Очевидно, что это было связано с экономическими успехами страны. Но с началом периода экономической стагнации подобные разговоры стали все более редкими, а в новом веке ситуация пока что далека от оптимистических прогнозов недавнего прошлого.

Тем не менее, отметил В.М. Алпатов, знание японского языка в мире заметно растет, причем более всего даже не в США или Европе, а в странах Восточной Азии, включая Китай. Здесь усиливается международный обмен, для развития которого необходимо и наличие языкового взаимопонимания. Конечно, роль

английского языка здесь существенна, но повышается и значение других языков, прежде всего, японского и китайского.

Профессор А.Н. Мещеряков отметил, что хотя гора Фудзи представляет собой один из самых зримых символов современной Японии, и кажется, что так было всегда, однако, на самом деле это мнение ошибочно. По мнению ученого, Фудзи представляет собой неподвижный и мало изменяющийся с течением времени объект, однако его осмысление в японской культуре значительно варьировалось в зависимости от времени и культурных установок. Анализ этого образа проведен на основании литературных и изобразительных текстов. В докладе А.Н. Мещерякова выделяются следующие аспекты восприятия Фудзи: Фудзи как священная даосская гора (Хорай), Фудзи как священная буддийская гора (обиталище будды Мироку), Фудзи как священная синтоистская гора, Фудзи как объект поэтического творчества, Фудзи как объект религиозного паломничества и символ восточной Японии (период Токугава), Фудзи как символ Японии (периоды Мэйдзи—Тайсе—Сева).

Доцент ИСАА В.П. Мазурик проанализировал модель невербальной коммуникации в японской традиционной культуре и современной глобальной цивилизации. По мнению ученого, общение людей далеко не всегда осуществляется с помощью слов, примером чему могут служить различные формы японской традиционной культуры, включая *тяною* (традиционно переводится как “чайная церемония”). Слова в “чайном действе” если и употребляются, то не всегда в привычных для нас функциях. И хотя эти формы уходят в прошлое, но в моделях общения современной молодежи слово также перестает быть главным инструментом, что делает актуальным изучение богатых традиций невербальной коммуникации в Японии. С филологической точки зрения, особенный интерес в этом смысле могут представлять интертекстуальные системы в японской литературе средних веков. По мнению ученого, опыт прошлого показывает возможность возвращения в XXI в. к словесным знаковым системам, но в новом их качестве. В контексте этого и других выступлений также поднималась тема влияния японской культуры на российскую молодежь.

Особой темой прозвучала проблема молодежной культуры в АТР, влияния Японии на эту культуру. Так, в ответе на вопрос: “Почему японская массовая культура сегодня популярна в мире и, особенно, в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии?”, ведущий научный сотрудник ИВ РАН Е.Л. Катасонова указала несколько причин. Это, в первую очередь, высокое технологическое и художественное качество самого культурного товара, в каком бы жанре он ни был бы представлен. Во-вторых, хорошо организованная система рекламирования — так называемый “имидж-альянс” производителей, дилеров, рекламных компаний и СМИ. В то же время, по мнению Е.Л. Катасоновой, это лишь внешняя, коммерческая сторона успеха японской культурной индустрии. Суть проблемы намного сложнее: Японии и многие страны Азии на протяжении веков связывают общее историческое прошлое, общие этнокультурные особенности, общие религиозные и мировоззренческие основы, языковая близость, по крайней мере, иероглифическая, и т.д., что облегчает понимание культур в рамках единого региона и делает культурное присутствие Японии в Азии более органичным и естественным, нежели деятельность западной культурной индустрии. Как отметили участники конференции, современная Япония стала своеобразным проводником европейской культуры для азиатских стран.

Профессор МГИМО (У) МИД РФ С.В. Чугров в своем докладе “развенчал” новые мифы об уникальности японской политической культуры, введя термин “анти-*нихондзин рон*” (“анти-теория о японцах”). Ученый считает, что име-

ется одна сквозная линия попыток японской нации обсудить большие вопросы своей идентичности — это интеллектуальный дискурс, основанный на идее уникальности японской идентичности и получивший название *нихондзин рон* (“теории о японцах”), зародившийся в эпоху Мэйдзи, приобретший более четкие формы в 1930-х гг., достигший расцвета в 1960–1970-х гг. и начавший увядать в 1980-х гг. По мнению С.В. Чугрова, в настоящее время имеется целый ряд наиболее типичных новых стереотипов о Японии, возникших на руинах “теорий о японцах”. Он выделяет и критически осмысливает следующие мифы. (1) Японцы более равнодушно относятся к своей стране, чем раньше. (2) Япония — это полноценная современная демократия. (3) Япония — полностью безопасная страна. (4) Япония — мультикультурное открытое общество. (5) Япония — признанный мировой лидер в развитии мировой торговли и промышленности. (6) Японцы любят и берегут природу. (7) Япония избавилась от группистского сознания. (8) Беспрецедентное трудолюбие. (9) Преданность японских служащих своей фирме. (10) “Я”, зависимое от других. Ученый делает вывод о том, что в Японии органично соединились традиция и модерн/постмодерн. Они столь тесно переплелись между собой, что появился термин *дзасюсэй* (гибридизация), а гибрид нельзя искусственно разделить пополам — на традиции и постмодернизм. Японский социум воспроизводит чрезвычайно эффективный синтез модерна, постмодерна и традиций *нихондзин рон*.

*

*

*

В заключение можно отметить несомненную научную значимость конференции, поскольку на нее собрались ведущие российские и зарубежные японоведы, которые доложили результаты своих многолетних исследований. Такого рода научный “мозговой штурм” отечественным японоведам удается проводить нечасто. Особенно сильно конференции стал также широкий охват обсуждавшихся на ней вопросов: от экономики и обороны до культурного влияния Японии на другие страны.

Конференция способствовала повышению статуса российского японоведения в глазах зарубежных коллег, поскольку информация о ней была размещена на сайте Европейской ассоциации японоведов (European Association for Japanese Studies), членом которой является российская Ассоциация японоведов. Участие в конференции ведущих специалистов по Японии Вань Шаня из Китая и Г. Жука из Великобритании, которые впервые посетили Россию, способствовало установлению новых научных связей, повышению известности ИДВ РАН среди зарубежных японоведов.

Столь масштабное японоведческое мероприятие прошло в ИДВ РАН впервые. В определенном смысле, японская сторона заново “открыла” для себя ИДВ РАН, что будет способствовать налаживанию более тесных контактов Института с японскими специалистами и официальными лицами.

1. Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. 2009. 256 с.
2. Япония наших дней. 2009. № 2.